

Елена Сергеевна Волкова¹ (elenavolkova1@yandex.ru)

«КРИМИНАЛЬНЫЕ И ПОГОСТНЫЕ» 1990-е В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ ЛИТЕРАТОРОВ

Одним из маркеров состояния российского общества в 1990-е гг. являлся высокий уровень преступности, а также интенсивное втягивание в эту деятельность представителей различных социальных слоёв, до сих пор не имевших подобного опыта. Дальний Восток занимает на криминальной карте России особое место. В фокусе нашего внимания — криминогенная ситуация в регионе и основные тенденции развития преступности в зеркале художественной литературы. Предметом анализа выступают произведения дальневосточных авторов, увидевшие свет с начала 1990-х гг. и по 2017 г. включительно. Художественные тексты дают возможность увидеть преступность постсоветского периода в лицах и отследить влияние криминальной сферы на повседневные структуры. В ходе исследования установлено, что писатели уделяют большое внимание мотивации и социально-экономической подоплёке преступлений, криминализации повседневности, трансформации общественной системы ценностей, размыванию границ между добром и злом. В художественных произведениях находят отражение новые виды преступлений, получившие распространение в рассматриваемый период, в том числе экономической направленности, деятельность организованных преступных группировок, сращивание криминала с легальным бизнесом и властными структурами. Литераторы констатируют снижение доверия к стражам порядка и деградацию милицейской системы, описывают практики сопротивления обывателя криминальному беспределу в условиях бессилия правоохранительных органов. В то же время образ сотрудника милиции в дальневосточной литературе постсоветского периода неоднозначен: на страницах художественных произведений можно обнаружить не только «оборотней в погонах», но и добросовестных сотрудников ОВД, с честью выполняющих свой долг в любой ситуации. **Ключевые слова:** Россия, 1990-е, российский Дальний Восток, преступность, социальная дифференциация, повседневность, криминализация, милиция, художественная литература.

Elena S. Volkova¹ (elenavolkova1@yandex.ru)

THE “CRIMINAL AND GRAVEYARD” 1990s IN LITERARY WORKS OF THE RUSSIAN FAR EASTERN WRITERS

One of the markers of the state of Russian society in the 1990s is the high level of crime, as well as the intensive involvement of representatives of different social strata, who still did not have such experience, in criminal activity. The Far East

¹ Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, Россия.
Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia.

occupies a special place on the criminal map of Russia. The focus of our attention is the criminogenic situation in the region and the main trends in the development of crime in the mirror of fiction. The subject of the analysis are the literary works of Russian Far Eastern authors, which were published from the beginning of the 1990s to 2017 inclusive. Literary texts provide an opportunity to see the criminality of the post-Soviet period in persons and to track the impact of the criminal sphere on everyday structures. The study found that writers pay great attention to the motivation and socio-economic background of crimes, criminalization of everyday life, transformation of the social system of values, erosion the boundaries between good and evil. The literary texts reflect the new types of criminal activity that became widespread during the period under review, including economic crimes, the activities of organized criminal groups, the merging of crime with legal business and power structures. The writers state the decrease of confidence to the guards of order and the degradation of the police system, describe the resistance practices of the inhabitant to criminal lawlessness in the conditions of powerlessness of law enforcement agencies. At the same time, the image of the policeman in the Far Eastern literature of the post-Soviet period is ambiguous: it is possible to find in works not only “werewolves in shoulder straps”, but also conscientious employees of internal affairs bodies who honorably perform their duty in any situation.

Keywords: Russia, 1990s, Russian Far East, criminality, social differentiation, everyday life, criminalization, police, fiction literature.

В последние десятилетия роль художественной литературы как исторического источника значительно возросла. Прежде всего это связано с тем, что акценты в гуманитарных исследованиях постепенно смещаются в сторону антропологического подхода, исторические процессы начинают рассматриваться через призму деятельности конкретного человека и, как следствие, растёт интерес к источникам субъективного характера.

Безусловное достоинство литературных произведений в том, что они создают «эффект погружения» в эпоху 1990-х гг. Не претендуя на фактическую точность в изложении событий, происходивших в конкретное время в конкретном месте, труженики пера тем не менее передают дух эпохи и бытующие в обществе настроения, воссоздают повседневные структуры. *«Все описанные события и персонажи самым бессовестным образом высосаны автором из пальца, главным же достоинством повести является то, что в ней нет ни капли вранья»*, — пишет хабаровчанин К.А. Партыка в предисловии к своему роману «Подземелье» [27, с. 129]. Важно, что все литераторы, о которых пойдёт речь в статье, повествуют о событиях и процессах, современниками которых они являлись.

Отметим, что даже в лучшие (позднесоветские) времена дальневосточные писатели, в отличие от столичных, не имели элитного статуса. Безусловно, члены Союза писателей (которых в каждом дальневосточном крае или области можно было пересчитать по пальцам) располагали определённым набором привилегий, но в 1990-е гг. все они сошли на нет,

зарабатывать на жизнь исключительно литературным трудом стало невозможно. Оказалось, что в новых социально-экономических условиях у писателя должна быть другая работа или подработка, обеспечивающая хлебом насущным, — только тогда он может позволить себе заниматься литературным творчеством. Иными словами, в постсоветский период труженики пера тоже боролись за выживание вместе с миллионами простых россиян; социальная группа литераторов размывалась, очертить её границы становилось всё сложнее [см. подробнее: 8]. Поэтому с высокой долей вероятности можно утверждать, что дальневосточные авторы выражали мнение широких слоёв российского населения.

Начало 1990-х гг. отмечено резким скачком преступности. Среди основных предпосылок исследователи называют системный кризис в экономике, политике, социальной сфере, рост безработицы, деструктивных практик, миграционной подвижности населения, массовую дезориентацию и крушение привычного советского мира вместе с его моральными установками, а также отток квалифицированных кадров из правоохранительных органов и либерализацию законодательства [15, с. 263; 29, с. 3, 26].

В 1993 г. по сравнению с 1990 г. общее число зарегистрированных преступлений в РСФСР/РФ увеличилось в 1,5 раза, при этом по разделу «умышленные убийства и покушения на убийство» рост составил почти 1,9, по кражам, грабёжам и разбоям (суммарно) — 1,8². Если говорить о дальневосточных краях и областях, то самые высокие темпы роста преступности демонстрировали Сахалинская область (по первому показателю — в 2 раза, по второму — в 2,3 раза, по третьему — в 2,7 раза) и Приморье (по первому — в 1,7 раза, по второму — в 2,3 раза)³. Удалённость от федерального центра, природные богатства, в изобилии представленные на дальневосточных территориях, приграничный статус, роль транспортного узла и непосредственная близость к странам Восточной Азии, значительная концентрация в регионе пенитенциарных учреждений и лиц с «тёмным прошлым» определили особое место Дальнего Востока в структуре преступности постсоветского периода, особенно это касается его южных территорий (в десятку городов с наиболее высокими показателями преступности в 1990-е гг. входили Владивосток, Находка, Хабаровск) [24, с. 6, 96—97]. На протяжении 1990-х гг. коэффициент преступности по региону (число зарегистрированных преступлений на 100 000 чел. населения) неизменно превышал среднероссийский показатель (в 1,25—1,42 раза)⁴.

Согласно статистическим данным, падение реальных денежных доходов населения на Дальнем Востоке было более ощутимо, чем в среднем по России [25, с. 78; 37, с. 284]. Исследователи констатируют: в переходный период регион оказался одним из наиболее дискомфортных для населения. *«Глаза много чему не верили, — читаем в рассказе владивостокского прозаика Т.Ф. Алёшиной. — Например, подбирающимся матросам*

² Рассчитано по: [30, с. 23—24; 32, с. 273].

³ Рассчитано по: [30, с. 21—22, 62—63, 90—91, 97—98, 105—106].

⁴ Рассчитано по: [30, с. 23—24; 31, с. 69—70].

Тихоокеанского флота возле ГУМа, в самом центре города, сообщающим, что в казармах их не кормят, или безработным париям в дотла изношенной одежде, стыдливо протягивающим руку, или шестилетке зимой в пижамных штанишках с сигаретой во рту, или подростку с наркотическим блеском в глазах на площади Луговой, в самом центре разбоя... присматривавшемуся, как взрезать у тёти сумку» [2, с. 74].

Резкое расслоение общества и катастрофическое снижение уровня жизни большинства населения приводят к росту криминогенности. Считая, что социальные блага распределяются несправедливо, и потеряв надежду на помощь государства, рядовой гражданин пытается решить свои материальные проблемы, нарушая закон. В преступную деятельность втягиваются представители самых разных слоёв населения, до сих пор не имевшие подобного опыта⁵. Криминолог А.И. Долгова констатирует, что в период радикальных реформ «больше стало совершаться имущественных преступлений по мотивам абсолютной нужды, ради приобретения жизненно необходимых продуктов и предметов одежды, а также по мотивам относительной нужды в целях обеспечения того уровня жизни, который становился характерным для ряда окружающих лиц» [13, с. 103]. И тот и другой вид мотивации широко представлены в художественных произведениях дальневосточников.

В повести сахалинского писателя А.С. Тоболяка журналист по прозвищу Кумир, оказавшийся в трудном материальном положении после рождения ребёнка, убивает своего кредитора — бывшего одноклассника, а ныне предпринимателя — и присваивает содержимое его сейфа. Не последнюю роль в этой трагедии сыграл циничный комментарий новоявленного бизнесмена: *«Таких нищих, как ты, стерилизовать надо, чтобы детей не плодили»*. Пытаясь оправдать свой поступок, убийца рассуждает: *«Может быть, в этой смерти есть высшая справедливость»*, — и ссылается на то, что живёт в «ожесточённое» время [39, с. 154, 160].

Приморский автор С.Д. Барабаш рассказывает историю 16-летнего Синельникова, который в художественном тексте выступает в роли подсудимого. После смерти отца подросток становится кормильцем семьи — малолетней сестры и матери, которая не может трудоустроиться по состоянию здоровья. Синельников подрабатывает на близлежащем рынке и оптовой базе разнорабочим, но однажды утром, не найдя никакой возможности для заработка, совершает «рывок»: *«Значит, стою я на остановке, думаю, что делать — денег нет, дома есть нечего, скоро сестрёнка со школы придёт, а я ей утром последний стакан вермишели сварил, мама вообще ничего не ела, — рассказывает подросток на суде. — Вот тут и подходит девчонка, в шапке норковой. Ну, если бы взрослая женщина, а тут совсем малявка... Мне так обидно стало!.. В общем, решил я шапку отобрать и продать. Не мог я домой без денег прийти!»* [3, с. 15—16].

⁵ Согласно милицейской статистике, с 1991 по 1993 г. в РСФСР/РФ выявлено около 3 млн совершивших преступления лиц, ранее не привлекавшихся к уголовной ответственности [30, с. 6].

Вскоре выясняется, что семья потерпевшей находится в столь же плачевном материальном положении. *«Я по специальности судостроитель, много лет работала инженером-конструктором, только теперь моя специальность никому не нужна. Я даже работу простой уборщицы нашла по великому благу! — говорит Иванова, мать той самой «малышки». — ...Муж меня бросил, алиментов я не получаю, и, чтобы элементарно не умереть с голоду, я распродала все сколько-нибудь ценные вещи. Единственное, что я могла ещё продать в случае крайней необходимости, была почти новая норковая шапка. Я не разрешила своей дочери её носить, но, как видите, она не послушалась...»*. Выходя из зала судебного заседания, судья видит душераздирающую картину, от которой хочется завыть: *«Синельникова и Иванова сидели, крепко обнявшись, раскачиваясь, как от боли. Рядом двумя воробушками примостились их дети — подсудимый и потерпевшая»* [3, с. 16—18].

По данным статистики, в 1994 г. в РФ из всех привлечённых к уголовной ответственности лиц 40% не имели постоянного источника дохода [30, с. 5]. Ряды преступников активно пополняют асоциальные элементы: бомжи, опустившиеся граждане, страдающие наркоманией, алкоголизмом и другими социальными болезнями. *«Богодулов развелось, откуда только берутся? — рассуждает в романе К.А. Партыки начальник уголовного розыска таёжного посёлка. — ...Воруют, ведь жрать-то надо. Раньше в районе три кражи за год случалось, а теперь и по сарайкам, и по домам шарят. Жизнь пошла — на охоту вырваться некогда. Да и не только кражи. Бьются, режутся с перепоя. Звереет народ»* [6, с. 92].

Ценность человеческой жизни стремительно падает. Если в советское время убийство считалось чрезвычайным происшествием, то в 1990-е гг. подобные преступления становятся обыденностью и привлекают гораздо меньше внимания. В том же романе подполковник милиции был неприятно удивлён полным равнодушием жителей многоквартирного дома к убийству, совершённом в их подъезде, тем, что они никак не реагируют на выстрелы, топот ног, гудение подъезжающих милицейских машин и действия сотрудников ОВД, которые стучат в двери в поисках возможных свидетелей: *«Онуфриев с раздражением подумал, что лет десять назад весь двор кишел бы любопытными, а ныне — вот вам, пожалуйста, ноль реакции!.. Как-то нехорошо и тревожно становилось старому милицейскому волку от такого всеобщего спокойствия населения»* [6, с. 227].

Говоря о мотивах относительной нужды, важно отметить, что формирование потребительского общества на Дальнем Востоке началось ещё в позднесоветский период [21], но радикальные реформы значительно ускорили этот процесс. Регион переживал небывалое нашествие импортных товаров и... философии консюмеризма. Тщедушный очкарик Володька из повести хабаровчанина А.В. Гребенюкова, в советское время преуспевающий инженер, а на момент повествования уже два года как безработный, находящийся у жены на содержании, делится с другом наболевшим: *«Как-то раньше скромно жили и обходились. Потому как*

не знали другой жизни. Сейчас совершенно другое дело. Оказалось, что жить можно красиво, удобно, вкусно и интересно, если есть деньги... И меня... всё время мучает вопрос, где их достать. Ей-богу, пошёл бы на мелкое преступление, чтобы обеспечить себя по-среднему. Но, — он горько усмехнулся, — кишка у меня тонка» [12, с. 175].

В художественных текстах мы видим, как возрастающая тяга к «красивой жизни» и установка на достижение личного благосостояния любой ценой толкают вчера ещё законопослушного гражданина на противоправные действия. В романе бывшего магаданца В.В. Горбаня Санька-Князь, выросший «в прекрасной семье порядочных людей, интеллигентов старой заправки», в годы радикальных реформ ступает на скользкую дорожку и начинает заниматься «экспроприацией приватизаторов». Автор отмечает, что Санька любил и в то же время ненавидел своих родителей: «его злила их жалкая беспомощность в этом взбесившемся мире оголтелого обогащения... Они не могли дать ему такую же красивую и яркую жизнь, какой жили многие его приятели — дети кооператоров, руководителей „хлебных“ предприятий, автомобильных спекулянтов и иной денежной публики». Поэтому Князь и его товарищ по прозвищу Чудик «успешно зарабатывали себе на весёлую жизнь, участвуя в разного рода разборках среди не поделивших „бабки“ дельцов». Вместе с тем автор подчёркивает, что эта лихая парочка «никогда не светилась в делах, связанных с насилием и жестокостью по отношению к беззащитным и беспомощным людям» [9, с. 38—39].

Дальневосточные литераторы не обходят вниманием и экономические преступления. «В стране раздался клич: „Хватай всё, что плохо лежит!“ И наступил полнейший хаос, — читаем в повести А.В. Гребенюкова. — Мгновенно вышли из подполья тысячи авантюристов типа знаменитого Корейко и начали сколачивать капиталы, пользуясь отсутствием законов и всеобщим пофигизмом. Затем возникли всякие „МММ“, „Тибеты“, „Хопры“ и другие дутые финансовые пирамиды⁶... Самое же крупное и подлое дело, незаметное для глаз простых граждан, совершил ваучер, принеся сказочные состояния одним и оставив с носом других. Соотношение: один к тысяче. Наверное, это было самое великое надувательство в мире за всю его историю» [12, с. 195]. Достаточно откровенно пишет о подобных деяниях и уроженец Чукотки Ю.С. Рытхэу: «...Вдруг появилась кучка очень богатых людей. Эти „новые русские“ не сделали каких-то сногшибательных открытий, ничего не изобрели... не написали великие книги, не получили наследства. Они попросту украли эти богатства» [33, с. 340]. Владивостокский автор Т.А. Жарикова называет первые постсоветские годы «периодом чудовищного перезахвата собственности» [14, с. 58].

«Лихие девяностые» отмечены небывалым ростом организованной преступности (далее — ОП). В этот период появляются почти не контролируемые

⁶ Благоприятные возможности для мошеннических операций создавал правовой вакуум, не позволявший привлекать к уголовной ответственности за обман вкладчиков.

криминальные структуры, преступность превращается в одну из главных национальных угроз [15, с. 263]. Исследователи констатируют, что ОП «эволюционировала гораздо быстрее, чем государство находило эффективные средства противостоять криминальной экспансии» [25, с. 10]. Общероссийская статистика 1995—1997 гг. демонстрирует снижение уличной и бытовой преступности (судя по всему, это свидетельствует о постепенной адаптации широких слоёв населения к новой реальности), в то время как ОП показывает противоположную динамику [13, с. 91]. Дальневосточная статистика обнаруживает те же самые тенденции: по словам криминолога Г.Ф. Маслова, «наряду с общим снижением уровня преступности⁷ в регионе растёт количество преступных формирований, численность активных членов преступных группировок, увеличивается количество преступлений, совершённых членами ОПГ⁸» [24, с. 94, 107].

Помимо «воровского общака»⁹ (составлявшего самую многочисленную группу) и «спортсменов»¹⁰, в 1990-е гг. на Дальнем Востоке формируются ОПГ на основе этнического признака. Прежде всего речь идёт о выходцах с Кавказа, из Средней Азии, а также из стран-соседей по АТР. Начинается борьба между преступными группировками за передел сфер влияния. Ситуацию в Находке описывает в своём романе В.В. Горбань: «...Целый город и огромный, стратегически важнейший российский порт на Дальнем Востоке, за тысячи километров от Чечни, оккупировала банда чеченцев. Оккупировала нагло, открыто, не стесняясь в средствах для укрепления своей власти... И всё это — при явном попустительстве, если не прямой поддержке, центральной власти.

— У нас тут уже открытая война идёт. „Спортсмены“ против чеченцев. Каждая из группировок выкупает дома, квартиры, к своим поближе. Уже практически целые улицы под контролем. Патрули свои вооружённые ходят... Охотятся друг за другом... На оперов, на участковых, которые пытаются в эти дела свой нос сунуть, тоже наезды нешуточные. Одному уже предупреждение вынесли: из автомата через дверь...» [9, с. 33—34].

Автобиографический герой Д.В. Коваленина, выпускник восточного факультета ДВГУ, в начале 1990-х гг. переезжает в Японию, и среди

⁷ По мнению криминологов, уменьшение общего числа зарегистрированных преступлений в середине 1990-х гг. объясняется и ростом латентности преступности (некоторые специалисты говорят о гиперлатентности), и снижением результативности реагирования правоохранительных органов [13, с. 97—98; 29, с. 3—4, 29—30].

⁸ ОПГ — организованные преступные группировки.

⁹ «Воровской общак» — сообщество профессиональных преступников (ранее судимых, живущих только за счёт преступлений) со своей иерархией и лидером (как правило, «вором в законе») в данном регионе. Сообщество имеет «общую кассу» («общак»), отсюда и название.

¹⁰ В 1997 г. численность активных членов дальневосточного «воровского общака» приближалась к 1,5 тыс. чел., «спортсменов» в регионе насчитывалось около 300 чел. [24, с. 109, 116].

причин, побудивших его к эмиграции, криминальная обстановка играет не последнюю роль. *«Да мне двадцать пять, ребята, я жить хочу! А во Владике¹¹ среди бела дня из автоматов в упор автомобили расстреливают»*, — комментирует Митя-сан. В сравнении с кровавыми бандитскими разборками на родине действия японской мафии якудза воспринимаются героем как «цирк» [17].

Одним из основных видов деятельности ОПГ в 1990-е гг. был рэкет, который в буквальном смысле становится приметой времени. В рассказе хабаровского прозаика Н.В. Семченко предприниматель объясняет подруге детства, почему его сопровождают *«два молчаливых мордворота»*: *«Без них никак не обойдёшься, Зина! Рэкет кругом, честному человеку нельзя сделать и шага — хорошо, если карманы только вывернут, а то ведь, знаешь, и кишки могут выпустить»* [35, с. 191].

В повести приморца А.С. Суконкина (псевдоним Роман Алёхин) опытный бандит Фикса проводит «тренировку» по рэкету для «молодых отморозков»: *«Заходим (в магазин. — Е.В.), с порога сразу кто-нибудь из вас бьёт хозяину в морду, остальные помогают. Только не убивать. Немного попинаете, а потом я буду с ним говорить»*. «Тренировка» проходит по плану. Хозяин магазина получает удар в челюсть и в ходе разговора ещё несколько ударов по почкам.

— Вы кто? — чуть слышно спросил хозяин...

— Я твоя крыша, — усмехнулся Фикса. — Буду теперь оберегать тебя от всяких подонков. А то ли не знаешь, что в городе творится — убийства, бандитский передел. В такое время надо иметь хорошую крышу!.. Ты нам будешь платить один раз в месяц всего сто баксов. Это копейки, поверь... Или я создам тебе такие проблемы, которые ты и во сне не мог видеть... В милицию ты можешь обратиться... Но помни, у меня там всё схвачено, а у них сейчас и так дел по горло... Зато у тебя в этом случае может сгореть магазин.

После ухода рэкетиров дочь предлагает хозяину магазина: *«Папа, я вызову „скорую“, милицию!»* И слышит в ответ: *«Не надо... Милиция не поможет. Надо платить. Ведь все платят. Мне люди говорили, предупреждали...»* [38].

Мы видим, как безропотно предприниматель соглашается с навязанными правилами игры и с установившимся порядком, при котором *«все платят»*. В этот период были нередки случаи, когда представители бизнеса сознательно искали «крышу» для своего предприятия, понимая, что по-другому не выжить. Отметим, что в дальневосточной литературе описаны и «красные крыши» — милицейские. «Россия середины 1990-х гг. была гораздо ближе к естественному состоянию, как его описал Гоббс, чем к гражданскому состоянию, предполагающему наличие государства, — заключает социолог В.В. Волков. — Те, кто по должности обязан был следить за порядком и исполнением законов, на деле предоставляли

¹¹ Владик — обиходное, разговорное название Владивостока.

частные охранные и арбитражные услуги, конкурируя на одном экономическом поле со своими оппонентами из преступных группировок или других неформальных силовых структур» [7].

В художественных текстах широко представлены и такие виды преступлений (как правило, под контролем ОПГ), как нелегальный автобизнес, организованная проституция, контрабанда природных ресурсов, незаконный оборот наркотиков и оружия, киднеппинг, производство суррогатного алкоголя, криминальное рейдерство, получившие распространение на дальневосточных территориях в рассматриваемый период.

В произведении сахалинского писателя В.В. Семенчика опустившаяся женщина со следами былой красоты рассказывает случайному знакомому о том периоде своей жизни, который был связан с наркоторговлей: *«Меня весь город знал тогда, все нарки ко мне бегали... Сама возила с материка, наглая была... А попалась на мужике, как последняя дешёвка! В Хабаровске, в гостинице, помню, вкатила себе дозу, пошла в кабак, сижу, кайфу... Приглашает меня танцевать парень. Симпатичный такой, глаза тоже добрые-добрые. Понравился он мне, козёл этот, затащила его в номер, всё как положено... Предложила ему вместе ширнуться, при нём чемодан открыла, а там весь груз лежал. Короче, он мент оказался, утром приходит в форме с такими же козлами, я увидела его — и чемодан в окошко, только стёкла полетели. Всё равно не помогло. Пять лет мне дали...»* [34, с. 282].

В повести А.С. Суконкина опытная наркоторговка втягивает в свой бизнес подругу, испытывающую финансовые трудности, а та подключает к незаконным торговым операциям несовершеннолетнюю дочь Оксану. Благополучие семьи быстро растёт, но однажды привыкшую к лёгким деньгам Оксану убивает член ОПГ после отказа платить дань в «общак» [38].

В.В. Горбань в своём романе описывает распространённую схему рейдерского захвата. Вежливые партнёры-кавказцы предлагают молодым коммерсантам ввести в состав учредителей предприятия своего представителя с правом доступа к финансовым документам: *«Следующие шаги „компаньонов“ были predeterminedены жёстким и хорошо известным алгоритмом. Когда новый человек полностью войдёт в курс дел, то уже налаженное и эффективно действующее предприятие будет попросту отобрано. А тем, кто всё это создавал, в самом лучшем случае бросят небольшую подачку — компенсацию за их собственные деньги, вложенные в дело. В стандартном же варианте — они должны исчезнуть. Если захотят и успеют — то просто бросят всё и уедут отсюда подальше. Если нет — то исчезнуть им помогут. И даже не допустив внедрения „контролёра“ на предприятие, ничего изменить невозможно. После исчезновения прежних владельцев найдутся и юристы, которые выполняют все необходимые формальности, и нотариусы, которые заверяют их подделанные подписи, и чиновники, которые „не замечают“ некоторые отступления от правил»* [9, с. 56]. В конце концов предприятие переходит

под контроль вежливых партнёров, тела двоих коммерсантов вылавливают в бухте, третий пропадает без вести, а четвёртого от расправы спасает арест за прошлые «грехи».

Постепенно ОП переходит на новую ступень развития. В художественных произведениях мы видим, как представители криминального мира активно включаются в легальный бизнес (или, по крайней мере, планируют это сделать в ближайшем будущем). Исследователи признают, что уже к середине 1990-х гг. законное и незаконное предпринимательство, легально заработанные и «грязные» капиталы тесно переплетаются, идёт сращивание ОПГ с коммерческими структурами, спортивными, благотворительными и общественными организациями [13, с. 116; 24, с. 105]. Наконец, происходит криминализация государственного механизма.

В романе магаданца В.М. Фатеева дед Устиныч, детсадовский сторож, рассказывает своему приятелю о том, как ОПГ наводили в городе порядок:

«После того, как... взрывы прогремели у подъезда горотдела милиции, авторитеты решили положить конец беспределу. Завязавшаяся ожесточённая борьба как между группировками, с одной стороны, так и между бандами и милицией, с другой, мешала серьёзному бизнесу... В Магадане состоялся сход воров в законе.

— ...Тогда же, на сходе, — рассказывал мне Устиныч, — и были приняты эти судьбоносные для города решения... идти во власть, разделить сферы влияния — кому золото, кому рыба, кому топливо, кому водка... Не знаю, врут или нет, но были даже намечены кандидатуры для внедрения в городскую и областную администрации и думы, выделены громадные деньги для поддержки одних и дискредитации других кандидатов». В другой раз Устиныч так комментирует происходящее в регионе: «Мафия добилась власти, протащила своего человека на пост губернатора и теперь начинает требовать от него отработки потраченных средств и сил» [40].

В романе В.В. Горбаня банда чеченцев фактически захватила власть в городе, «когда они сумели через Москву внедрить в городскую прокуратуру своего человека, на должность зама... А городской прокурор сразу понял, чем дело пахнет... Скис, в уголок забился. Зам рулит, а он только под готовые решения подписи ставит» [9, с. 34—35].

Судя по всему, для широких слоёв населения, в том числе для создателей литературных произведений и их читателей, подобные взаимопереплетения властных и криминальных структур не были тайной за семью печатями. «Авторитеты организованной преступности в равной мере делят контрольно-распорядительные полномочия с государственными структурами (дальневосточного. — Е.В.) региона, являются негласными хозяевами краёв и областей», — констатирует криминолог Г.Ф. Маслов в 1998 г. [24, с. 106].

А.И. Долгова отмечает, что во второй половине 1990-х гг. лидеры ОП, не довольствуясь прежними методами воздействия на органы государственной власти (подкуп, устрашение, дискредитация, выдвижение своего

кандидата на выборах, устранение неугодных государственных и политических деятелей), стремятся уже сами проникнуть во власть и занять интересующую должность с целью защитить себя от уголовного преследования, лоббировать свои интересы в экономике, получить доступ к бюджетным средствам и легальный выход на международную арену [13, с. 114—115].

Эта тенденция также находит отражение в художественных текстах. В рассказе К.А. Партыки начальник местного РОВД так говорит про действующего мэра: *«Он бандюга, понимаешь! Настоящий бандюга! Когда комбинат загибаться стал, создали акционерное общество. Приватизировали предприятие, провались они с такой приватизацией! Култышев к этому времени за другое срок отмотал, откинулся и в районе общаковцами заправлял. За год в авторитеты выбился... В общем, Култышев сперва прижал директора комбината. Потом они спелись и из того, что от предприятия осталось, вдвоём деньги стали качать, а рабочих в неоплачиваемые отпуска отправили. Култышев магазины пооткрывал, какую-то фиговую благотворительность замутил... Когда выборы подошли, Культа подшустрил и в мэры пролез... С краевым начальством он давно вась-вась, отстёгивает кому следует... Раньше Культа втихушку городом верховодил, а теперь на полных правах. Представляешь, как он верховодит? Мои сыскари... надыбали, что за ним мокрух немерено. Разборки всякие, неугодных убирали... Он заказывает. А исполнители не дефицит. Полгорода судимых, потому что три зоны в районе. Освобождаются и оседают. Про налоги, которые Культа не платит, и про всякое другое, за что один срок поперёд другого корячится, я уже и не говорю. Но он же хитрый, сволочь! Он же сам нигде ни-ни! Всё чужими руками и через подставных лиц... Култышев этот город в помойку превратил... А сколько таких помоек по стране?!»* [28].

По словам А.И. Долговой, к середине 1990-х гг. ОП не только контролировала с использованием различных механизмов органы государственной власти, но стала серьёзным фактором социальной жизни, в том числе «воспитателем» подрастающего поколения, крупным работодателем. В период радикальных реформ, когда многие дальневосточники трудоспособного возраста лишились постоянного заработка, криминальные структуры неизменно выражали готовность обеспечить их средствами к существованию взамен государства, которое в данной ситуации фактически самоустранилось. В конце концов «криминализация всей нашей жизни психологически населением стала рассматриваться как „обычное явление“, с её существованием смирились, — заключает А.И. Долгова. — Даже возникают вопросы, а стоит ли с ней бороться, да и с кем: неглупыми, прекрасно одетыми и ухоженными, „обходительными“ людьми, часто оказывающими нужные услуги» [23, с. 40—41].

Существенную роль в процессе криминализации общества играли отмена цензуры и информационная политика СМИ, считают исследователи, и литераторы с ними солидарны. Пресса, радио и телевидение активно формировали культ богатства и личного успеха (а какими средствами они

будут достигнуты — неважно), пропагандировали силовые схемы разрешения конфликтных ситуаций, романтизировали криминальную субкультуру. *«Всё, что показывало (телевидение. — Е.В.), было явно противопоказано нормальному человеку, — говорит герой А.В. Гребенюкова. — Кровища, порнуха, попса, разгул всевозможных игр и сериалов про бедных южноамериканских миллионеров, реклама... Да, подрастёт на этом телевоспитании молодёжь и начнёт всем головки откручивать»* [12, с. 191].

«Общак», «разборки», «крыша», «беспредел» — подобные понятия в 1990-е гг. циркулируют уже не только в преступном сообществе (и как следствие — в милицейской среде), но и в повседневной речи широких слоёв населения. *«Перестроечная анархия и не думала заканчиваться, — пишет Т.Ф. Алёшина. — Наоборот, медленно, но верно переходила в беспредел»* [2, с. 75]. *«Воровская „феня“ — почти второй государственный язык, — читаем в рассказе К.А. Партыки. — Народ привык, что кругом „авторитеты“ и „разборки“, сопит в две дырки, что ему остаётся?»* [28]. ОП фактически навязывает обществу свои представления о системе ценностей и нормах поведения, формирует облик героя — дельца теневой экономики и лидера уголовной среды, отмечает А.И. Долгова [22, с. 6].

Анализируя художественные произведения, мы видим, как в общественном сознании постепенно стирается грань между «серыми» и «чёрными» схемами заработка, между правомерной и противоправной деятельностью, между добром и злом. «Быстрота социальных перемен дестабилизировала социальные нормы и требовала постоянной ревизии законодательства, — констатирует В.В. Волков. — В этих условиях однозначная моральная и правовая квалификация действий и поступков людей становилась всё более и более затруднительной» [7].

Криминальные «разборки» со стрельбой и поножовщиной, взорванные здания и автомобили, равно как и железные двери и решётки на окнах, олицетворяющие собой реакцию граждан на ухудшение криминогенной обстановки, являются неизменными атрибутами «лихих девяностых»¹². *«Наше жильё — то ли сейф, то ли клетка, / Крепость, тюрьма и копилка тоски. / Даже соседка с другою соседкой / Видятся только в дверные глазки»*, — пишет П.К. Алексейчук из Еврейской автономной области [1, с. 150].

Автобиографическая героиня приморского прозаика Л. Белоиван, проживая в пригороде Владивостока, в доме *«сильно на отшибе»*, испытывает серьёзные проблемы со сном (тем более что в близлежащем овраге как-то раз обнаруживаются два трупа). Поделившись своими страхами с другом, работающим в милиции, девушка получает во временное пользование обрез двустволки, а заодно и профессиональную консультацию,

¹² Соцопрос, организованный в 1998 г. сотрудниками НИИ проблем укрепления законности и правопорядка в четырёх городах России (один из них — Владивосток), показал, что 77% всех опрошенных предпринимателей и 69% всех опрошенных взрослых боятся стать жертвой преступлений: предприниматели — прежде всего убийств, похищения людей, уничтожения имущества; иные лица — чаще краж, разбоев, хулиганских действий, мошенничества, обмана потребителей [13, с. 113].

«как затягивать труп убитого мною преступника ногами в квартиру, чтоб меня не посадили в тюрьму за превышение обороны». Затем героиня переезжает в квартиру «почти в центре» Владивостока, но выясняется, что и здесь неспокойно: «Преступники обрезали мне кабельное телевидение, подумав, что это телефон, залепили глазок... а сами стали взламывать соседскую квартиру». Тот же друг приносит ей для самообороны карабин «Сайга», а потом дарит на день рождения газовый пистолет «Беретта» [4, с. 132—135]. «Жить в России стало страшно», — резюмирует владивостокский поэт А.В. Бочинин [5, с. 67].

Героиня Т.А. Жариковой рассуждает об образе жизни родных и близких членов ОПГ — «литых парней с металлическим взглядом и тяжёлым подбородком»: «Их дети... идут в школу с охраной. Жёны едут по магазинам с охраной. Возле квартир родителей — тоже охрана, не говоря уже о своей квартире и своём подъезде. Пленники собственной жизни. Золотая клетка... А в городе по-прежнему раздаются выстрелы. Сильные, довольно регулярные, абсолютно точно направленные» [14, с. 35—36].

Параллельно набирает обороты и другой процесс: широкие слои населения перестают доверять милиции и рассчитывать на её помощь в экстренной ситуации¹³. На смену положительным образам милиционеров в общественном сознании (Анискин, Жеглов, Шарапов, дядя Стёпа и др.) приходят «оборотни в погонах». И в этом, считают труженики пера, немаловажную роль сыграли СМИ, которые, с одной стороны, способствовали продвижению в массы уголовного жаргона и воровской романтики, созданию иллюзии вседозволенности, а с другой — разрушали положительный образ стражей правопорядка и к тому же подробно, во всех деталях описывали тактику работы милицеских подразделений, раскрывая служебные тайны.

Тем не менее кризис доверия имел под собой основания. Во-первых, в 1990-е гг. ОВД испытывают недостаток квалифицированных кадров и материально-технического обеспечения, как результат — снижается раскрываемость преступлений; во-вторых, наблюдается рост злоупотреблений, должностных преступлений и пьянства среди сотрудников милиции [36, с. 53—54]. «Вам должно быть известно, что раскрываемость преступлений у нас довольно низкая. Это не секрет», — говорит работник ОВД одному из свидетелей по делу об убийстве в произведении А.С. Тоболяка [39, с. 145]. В.Г. Заводинский в своей повести сетует на «хронический перегруз» милиционеров, который неизбежно сказывается на эффективности работы: «Число преступлений растёт пропорционально росту цен, а число следователей, увы, убывает» [6, с. 290].

«Милиция не поможет» — к такому заключению зачастую приходят герои художественных произведений дальневосточных авторов 1990-х гг. «А вы не знаете наших сыщиков? На них мало надежды», — говорит в повести А.С. Тоболяка сестра убитого [39, с. 126].

¹³ В 1999 г. 60% респондентов, опрошенных ВЦИОМ, не доверяли российской милиции [36, с. 54].

В рассказе приморского писателя Л.Н. Князева читаем:

— *Вызывайте милицию, здесь людей поубивали!*

— *Сейчас, приедет твоя милиция... У них на весь отдел одна машина, и та стоит без бензина* [16, с. 108].

В романе Ю.С. Рытхэу американец, оказавшийся на Чукотке, эмоционально реагирует на российский криминальный беспредел: «...У вас умирают люди, их убивают на улицах, на лестничных площадках, расстреливают в автомобилях... И ни одно, ни одно преступление не раскрыто! Ни одного показательного процесса... Неужели ваши государственные деятели, политики не понимают, куда катится ваша страна?» [33, с. 277].

В повести В.Г. Заводинского предприниматель Ложечкин, понёсший серьёзные убытки в результате разбойного нападения, откровенно заявляет, что в милицию не верит: «На одних бандитов мы натравим других бандитов, и это будет надёжнее, чем ждать помощи от родной милиции» [6, с. 276, 333]. Отметим, что это не единственный случай, описанный в художественной литературе, когда пострадавший для восстановления справедливости вместо милиции обращается к «браткам»: судя по всему, подобная практика являлась достаточно распространённой.

Дальневосточные авторы изображают и случаи самосуда. Л.Н. Князев приводит полилог пассажиров электрички, которые, столкнувшись с откровенным хамством и угрозами появившейся в вагоне шайки, в массовом порядке переходят в другой вагон:

— *Это ж надо, как живём, ни власти, ни защиты, дома за семью решётками... а они гляди, что творят. И все не в зоне, а на воле.*

— *У нас в кооперативе такие не раз уж прошли по улице — все двери повскрывали, обчистили, всё забрали, да ещё и нагадили кому на стол, кому на кровать. И жалиться некуда!..*

— *Как в яму народ загнали!*

— *Чё ж делать-то, самим надо организоваться.*

— *Куда там! У нас на даче сторож такого вот с ракетницы в живот, тот и скрючился, сдох, как собака. Так возбудили уголовное дело: превышение самообороны!* [16, с. 106—107].

Тем не менее один старичок в надвинутой на глаза кепке остаётся в злополучном вагоне и при обострении ситуации хладнокровно расстреливает шайку из немецкого парабеллума. Расстреливает без свидетелей, скрывается с места преступления, а потом, выйдя из электрички, как ни в чём не бывало участвует в обсуждении инцидента, очевидно, не испытывая особых угрызений совести: «На земле сколько нас? Что-то около шести миллиардов, а их — тьфу, а крови-то сколько портят. Ну нет и нет, гулевали — нарвались, туда им и дорога. Чем больше таких прибьют, тем скорей будет порядок. Согласны, товарищ?» [16, с. 109].

В условиях роста преступности и бессилия правоохранительных структур «граждане чаще либо сотрудничали с преступниками, либо сочувствовали

им, привыкали к их деятельности, либо сами, без помощи государственных органов, защищались от них и даже их карали», — резюмирует А.И. Долгова [13, с. 118—119]. С социологической точки зрения подобные практики приспособления могут рассматриваться как сопротивление «слабых» стратегиям доминирования «сильных»¹⁴.

Если же говорить о сотрудниках милиции, то в художественных текстах они предстают в самых разных обличьях. Зачастую стражи порядка используют жёсткие меры задержания, дознания, допроса, нанося подозреваемым телесные повреждения различной степени тяжести, при обыске подбрасывают наркотики, берут взятки и фальсифицируют материалы уголовных дел, «крышуют» наркоторговцев, не реагируют на обращения граждан. В романе К.А. Партыки молодой лейтенант, поступивший на работу в уголовный розыск, недоумевает, *«почему людей, обратившихся в милицию за помощью, гнали, используя любой предлог; ...почему в дежурной части райотдела хамоватые сержанты с лоснящимися от праздности физиономиями, глумливо ухмыляясь, отвечали заплаканной женщине, пришедшей жаловаться на пьяницу и садиста мужа: а мы тебя с ним в постель не укладывали; почему пенсионеру, сообщившему по телефону о драке под его окнами (убивают, приезжайте быстрее), отвечали: не можем, нет машины... потому что машина в этот поздний час повезла домой очередную даму сердца бравого помдежа»* [6, с. 105—106].

Главный ревизор КРУ МВД в повести В.М. Фатеева искренне убеждён, что с общечеловеческой точки зрения *«сыщик и злодей во многом похожи друг на друга и сливаются полностью, когда сыщик в погоне за жертвой сам нарушает законы. В обыденной жизни это случается сплошь и рядом... Под постоянным давлением криминала полным ходом идёт перерождение силовых структур, и они становятся таким же преступным сообществом под сенью закона»* [41].

Исследователи констатируют, что в рассматриваемый период количество сотрудников ОВД, привлечённых к дисциплинарной и уголовной ответственности, постоянно росло, увеличивался поток жалоб на действия милиционеров в различные инстанции [20, с. 318]. Неудивительно, что рядовые граждане старались по возможности не контактировать со стражами порядка. *«Все знают, с милицией связываться — себе дороже»*, — читаем у владивостокского прозаика Е.А. Мамонтова [19, с. 14].

И всё же оценки, которые дают сотрудникам ОВД в постсоветский период писатели-дальневосточники, не столь однозначны, как может показаться на первый взгляд. Целый ряд литераторов, признавая недостатки в работе милицмейской системы и отдельных сотрудников, в то же время акцентируют внимание на той, безусловно, важной функции, которую ОВД продолжают исполнять в российском обществе в «лихие девяностые», и на тех огромных трудозатратах и рисках, с которыми связана служба

¹⁴ Механизмы сопротивления «слабых» исследуют М. де Серто, Д. Скотт, Л.Е. Бляхер и др.

в милиции. Среди этих авторов — К.А. Партыка¹⁵ и В.В. Горбань¹⁶, имеющие многолетний опыт работы в милицеских структурах, а также А.С. Суконкин, который, не располагая подобным опытом, тем не менее демонстрирует осведомлённость в вопросах функционирования ОВД¹⁷. Такие герои, как Михалыч (подполковник Ковалёв) у В.В. Горбаня, начальник угрозыска Николай Логинов у К.А. Партыки, опер Ваня Шилов из «шестого отдела»¹⁸ у А.С. Суконкина, способствуют восстановлению положительного образа стража порядка в постсоветской реальности¹⁹.

«Кроме фанатического трудолюбия и отчаянной смелости... Михалыч обладал незаурядным даром общения с людьми, умением не переходить грань между профессиональной жёсткостью и садистской жестокостью, общепризнанной справедливостью в решении самых скользких вопросов, — так характеризует своего героя В.В. Горбань. — ...И не зря однажды, во время профилактической беседы с воровским „авторитетом“, претендующим на роль „ответственного за город“, на грозный вопрос: „Так кто у нас настоящий „ответственный“?“ — тот неожиданно трусливо-угодливо ответил: „Ты, Михалыч“» [11].

К.А. Партыка в автобиографической повести рассказывает: *«Среди некоторых моих собратьев по литературному и журналистскому ремеслу за мной прочно утвердилась кличка „Мент“. Причём звучала она почти как „вор“ или „негодяй“... Увы, милиция дошла до того, что ею впрямую пугать детей, и это очень обидно, если сам отдал ей два десятка лет жизни» [26].* Труженики пера описывают, как в условиях жёсткого кадрового кризиса добросовестные сотрудники работают на пределе физических и психологических возможностей, с трудом выкраивая время для отдыха и сна и, мягко говоря, не балуя присутствием родных и близких.

В.В. Горбань в своей повести даёт ёмкую характеристику положения дел в российской милиции конца XX — начала XXI в.: *«Ни одному из них (сотрудников отдела по борьбе с ОП. — Е.В.) и в дурном сне не могло прийтись, что новые законы будут редактироваться людьми, которые*

¹⁵ К.А. Партыка уволился в запас в звании подполковника милиции в 1994 г.

¹⁶ «Полковник милиции в отставке, — пишет о себе В.В. Горбань. — Имел все возможности для продолжения карьеры, но оставил службу в 2001 г. под предлогом „ограниченного состояния здоровья“. Реальная причина — натуральная нищета честных офицеров милиции в те годы и нежелание служить в деградирующей системе» [10].

¹⁷ За плечами А.С. Суконкина служба в спецназе ГРУ, в круг его общения входят представители различных правоохранительных органов.

¹⁸ «Шестым отделом» в 1990-е гг. называли отдел по борьбе с организованной преступностью в структуре ОВД.

¹⁹ Отметим, что во второй половине 1990-х гг. на российские телеэкраны выходит сериал «Улицы разбитых фонарей» («Менты»), близкий по духу произведениям В.В. Горбаня, К.А. Партыки и А.С. Суконкина. Первые серии сняты по мотивам произведений А.В. Кивинова, также имеющего опыт работы в системе ОВД (А.В. Кивинов был сценаристом первого сезона «Ментов», затем выступал в роли консультанта).

своими нравами приведут в изумление даже „паханов“ старой закваски. Что уже тогда разгоревшаяся под лозунгами гласности травля в печати и наплевательское (если не тщательно продуманное) отношение к милиции со стороны власть имущих за неполные десять лет приведут к трём массовым исходам профессионалов из системы МВД, насильственно разорвав преемственность поколений. Что оставшиеся фанатики милицейской работы, вопреки всему надеющиеся на лучшее, будут размываться потоком новых людей, зачастую случайных, поражённых страшными вирусами стяжательства и продажности» [11]. Отметим, что образ сотрудника милиции в художественных текстах дальневосточников постсоветского периода может стать темой самостоятельного исследования.

Подводя итог уходящей эпохе, приморский поэт И.И. Шепета предлагает, как на поминках, выпить «за бесславные девяностые, криминальные и погостные» [42, с. 12]. Судя по всему, именно такими они и остались в народной памяти. Показательно, что по результатам всероссийского мониторинга, проведённого Институтом социологии РАН в 2017 г., в тройку основных характеристик, присущих периоду правления Б.Н. Ельцина, в представлении россиян вошли «преступность, бандитизм» (отметили 77% опрошенных), «тяжёлое экономическое положение» (68%) и «страх» (65%) [18, с. 118—119].

Анализ художественной литературы подтверждает, что в 1990-е гг. мы имеем дело с качественно новым этапом развития общества, и одной из существенных его характеристик становится рост преступности, затронувший самые разные социальные группы. Литературные произведения дальневосточных авторов позволяют увидеть криминал «лихих девяностых» в лицах: это и бомж, вскрывающий деревенский сарай, чтобы хоть чем-то пожить, и рэкетиры, не стыдящиеся своей новой «профессии», и лишившийся отца подросток, снимающий норковую шапку с девчонки-пигалицы, чтобы накормить сестрёнку и больную мать, и вежливые кавказцы, осуществляющие рейдерский захват компании и отправляющие её хозяев на дно бухты, и неглупый парень с крепкими кулаками из интеллигентной семьи, участвующий в бандитских разборках, чтобы заработать себе на «весёлую жизнь», и молодой отец, убивающий самодовольного, преуспевшего в бизнесе одноклассника, чтобы поправить катастрофическое материальное положение своей семьи, и превратившийся в мэра функционер ОП, за которым «мокрух немерено»...

Авторы раскрывают общественный кризис через мотивы преступлений и их социально-экономический подтекст, акцентируя внимание на падении уровня жизни широких слоёв населения, отсутствии государственной поддержки и ощущении беспомощности в новых постсоветских реалиях, показывают криминализацию повседневности и снижение доверия к стражам порядка, изучают практики сопротивления «слабого» обывателя криминальному беспределу. Художественные тексты ярко иллюстрируют

основные тенденции в развитии преступности в постсоветский период, не обходя вниманием ни ОПГ, ни экономические преступления переходного периода, ни проникновение криминала во власть.

Наконец, на страницах литературных произведений мы встречаем не только коррумпированных работников правоохранительных органов, совершающих должностные преступления, но и настоящих профессионалов, которые продолжают с честью выполнять свой долг, несмотря на скромные зарплаты, колоссальные нагрузки и деградацию милицейской системы в общегосударственном масштабе. Труженики пера ставят вопрос о роли личности, повествуя о деятельности добросовестных сотрудников милиции, которые получили образование и боевую закалку ещё в советский период и теперь, в 1990-е, фактически спасают общество от полного распада и удерживают его на краю пропасти, зачастую ценой собственного здоровья, личного благополучия, а иногда и жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексейчук П. Соседи // Литературное наследие Еврейской автономной области. Вып. 2 / ред.-сост. Е.И. Кудиш. Биробиджан, 1999. С. 150.
2. Алёшина Т. Лёгкий характер // Литературный Владивосток: лит.-худ. альманах. 2017. С. 72—79.
3. Барабаш С. Всё предельно ясно // Литературный Владивосток: лит.-худ. альманах. 2008. С. 9—18.
4. Белоиван Л. Чемоданный роман. М.: ЭКСМО, 2012. 240 с.
5. Бочинин А. Час потрясения. Стихи // Дальний Восток. 1993. № 1. С. 67—71.
6. В исключительных обстоятельствах. 1994 / ред.-сост. Р. Павлова. Владивосток, 1994. 544 с.
7. Волков В.В. Силовое предпринимательство, XXI век: экономико-социологический анализ. СПб.: Изд-во ЕУСПб, 2012. 352 с.
8. Волкова Е.С. Процессы трансформации в литературной сфере на Дальнем Востоке России в 1990-е гг. // Региональные проблемы. 2017. Т. 20. № 4. С. 86—94.
9. Горбань В.В. ...И будем живы: роман. М.: Андреевский флаг, 2005. 432 с.
10. Горбань В.В. Об авторе. URL: <https://www.vgorban.ru/ob-avtore> (дата обращения: 14.11.2018).
11. Горбань В.В. Шестой отдел (Выстрелы на перевале). URL: <https://www.vgorban.ru/xudozhestvennye-proizvedeniya/poteryannaya-miliciya/shestoj-otdel> (дата обращения: 29.01.2019).
12. Гребенюков А. Ангел и бес: ироническая повесть // Дальний Восток. 1999. № 5—6. С. 171—219.
13. Долгова А.И. Криминология: краткий учеб. курс. М.: Норма, 2003. 272 с.
14. Жарикова Т.А. В проёме... Владивосток: Приморское общество книголюбов, 1996. 68 с.
15. Исторические проблемы социально-политической безопасности российского Дальнего Востока (вторая половина XX — начало XXI в.). Кн. 1. Дальневосточная политика: стратегии социально-политической безопасности и механизмы реализации. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2014. 360 с.

16. Князев Л.Н. Печаль навсегда. Владивосток, 1999. 198 с.
17. Коваленин Д.В. Сила трупа: биоповесть. URL: <http://www.susi.ru/silatrupa> (дата обращения: 12.04.2018).
18. Латов Ю.В. Парадоксы восприятия современными россиянами России времён Л.И. Брежнева, Б.Н. Ельцина и В.В. Путина // ПОЛИС. 2018. № 5. С. 116—133.
19. Мамонтов Е. Безумный милиционер & the early years, рассказы. Владивосток, 2014. 84 с.
20. Мулукаев Р.С., Малыгин А.Я., Епифанов А.Е. История отечественных органов внутренних дел. М.: NOTA BENE, 2005. 336 с.
21. Общество и власть на российском Дальнем Востоке в 1960—1991 гг. / под общ. ред. В.Л. Ларина; отв. ред. А.С. Ващук. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2016. 940 с. (История Дальнего Востока России. Т. 3. Кн. 5).
22. Организованная преступность-2 / под ред. А.И. Долговой, С.В. Дьякова. М.: Криминолог. Ассоциация, 1993. 328 с.
23. Организованная преступность-3 / под ред. А.И. Долговой, С.В. Дьякова. М.: Криминолог. Ассоциация, 1996. 352 с.
24. Организованная преступность Дальнего Востока: общие и региональные черты. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1998. 316 с.
25. Организованная преступность на Дальнем Востоке: тенденции и особенности развития за 20 лет / отв. ред. В.А. Номоконов. Владивосток: Изд. дом Дальневост. федерал. ун-та, 2013. 236 с.
26. Партыка К. Записки рокера в погонах. URL: <http://www.proza.ru/2017/12/28/287> (дата обращения: 14.11.2018).
27. Партыка К. Подземелье // Дальний Восток. 1994. № 5—6. С. 128—175.
28. Партыка К. Проезжий. URL: <http://www.proza.ru/2009/07/21/203> (дата обращения: 10.12.2018).
29. Преступность в России: аналитические обзоры Центра комплексных социальных исследований и маркетинга. М.: ЦКСИиМ, 1997. Вып. 1—2 (21—22). 115 с.
30. Преступность и правонарушения (1990—1994): стат. сб. М., 1995. 159 с.
31. Преступность и правопорядок в России. Статистический аспект. 2003: стат. сб. / Госкомстат России. М., 2003. 85 с.
32. Российский статистический ежегодник: стат. сб. / Госкомстат России. М., 2001. 679 с.
33. Рытхэу Ю. Чукотский анекдот. Роман. СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2002. 352 с.
34. Семенчик В.В. Консультант по любым вопросам: Избранная проза. Владивосток: Рубеж, 2016. 528 с.
35. Семченко Н.В. Эмансипе // Дальний Восток. 1996. № 3—4. С. 181—195.
36. Социально-политические реформы и трансформация повседневных структур в Тихоокеанской России (1985—2015 гг.): материалы круглого стола. Владивосток, 2017. 85 с. URL: <http://ihaefe.org/files/publications/full/rt-soc-85-15.pdf> (дата обращения: 28.10.2018).
37. Стратегия для России: Повестка дня для президента — 2000 / Совет по внешней и оборонной политике. М.: Вагриус, 2000. 352 с.
38. Суконкин А. Дело оперское. Рокировка. URL: http://artofwar.ru/s/sukonkin_a_s/text_0390-1.shtml (дата обращения: 26.10.2018).
39. Тоболяк А. Денежная история // Дальний Восток. 1994. № 10. С. 81—163.
40. Фатеев В.М. Город в законе. Магадан: МАОБТИ, 1999. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=281728&> (дата обращения: 11.12.2018).
41. Фатеев В.М. Золотая моль. Магадан: МАОБТИ, 2003. 177 с.
42. Шепета И.И. Все слова на «А»: стихи. Владивосток: Рубеж, 2009. 96 с.